

1.2 ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ ОБЩЕСТВЕ

К концу XX века наконец-то был осознан факт: мы живем не только в культуре, но и в цивилизации. Недаром Р.Гвардини почти 50 лет назад никак не мог подыскать, прогнозируя будущее, адекватных слов для изменившегося отношения человека к природе и к культуре, назвав последнюю “некультурной культурой”, а природу “нестественной”.⁸⁴ Жить в цивилизации — значит жить в искусственной среде обитания, которая тотально детерминирует жизнь

человека. Даже сам человек, благодаря успехам генной инженерии и биотехнологии, может рождаться искусственно, в пробирке. Классическая традиция больше не определяет будущее цивилизованной Европы.

В культурологии А.Гелена универсальная массовая культура уподобилась скорее пирамиде, где вершина — это интеллектуализм и рафинированный эстетизм, например, творчество Х.—Л.Борхеса, а у подножия копошится мозаичный примитивизм. Анализируя геленовскую культурную доктрину, нетрудно заметить новую парадигму, ее принципиальное отличие от прежних веков. Интеллектуальная вершина пирамиды равно удалена как от живой мысли гениев XIX века, так и от наивной простоты и сентиментальности бульварной культурной продукции того же века. В XIX века элитарное (гениальное) и массовое (бульварное) являли собой два противоположные полюса однородной по принципам организации культуры. Интеллектуализм XX века иного рода: здесь нет и быть не может никакого однородного культурного пространства. “Верх” и “Низ” культуры незаметно смешались и стали неузнаваемыми. А.Гелен умер в 1976 году. Он сделал довольно точный культурологический прогноз, не обнаружив единого корня современного культуротворчества, предсказал торжество постмодернизма.

Постмодернизм — культура легких и быстрых касаний, в отличие от модернизма, где идет проникание внутрь, взрывание поверхности. В культуре постмодерна все воспринимается как читата, условность, за которой нельзя отыскать никаких истоков, начал, происхождения.⁸⁵ Но результатом такого поверхностного восприятия является пониженная смысловая чувствительность. Здесь мы можем наблюдать диспропорцию между развитием человеческой индивидуальности, ограниченной биологическим возрастом, и социально-технологическим развитием человечества, для которого пока не видно предела во времени. С каждым поколением увеличивается объем знаний и впечатлений, которые были накоплены в предыдущие века. Этот объем ста-

⁸⁴ Гвардини Р. Конец Нового времени // Вопросы философии. 1990 №4 С.142-163

⁸⁵ Эпштейн М. Постмодерн в России. Литература и теория. М.: Издание Р. Эллинина. 2030. С 48

новится часто тяжким бременем для человека, особенно молодого. Который не в состоянии легко справиться с этой тяжелой ношей.

Можно привести несколько статистических данных об информационном взрыве, основной жертвой которого стали последние два-три поколения XX века. Ежедневное (не воскресное) издание газеты "Нью-Йорк Таймс" содержит больше информации, чем средний англичанин XVII века усваивал за всю жизнь. За последние 30 лет было произведено больше новой информации, чем за предыдущие пять тысяч лет.⁸⁶

Очевидно, что в начале третьего тысячелетия основные ресурсы общества — не промышленные или сельскохозяйственные, а информационные. Человечество может себя прокормить — но может ли оно себя понять? Одним из первых об опасности культурного взрыва и дезинтеграции человечества предупредил немецкий философ Виндельбанд: "Культура слишком разрослась, чтобы индивид мог обозреть ее. В этой невозможности заключена большая социальная опасность... Создание единой связи, которая должна господствовать во всей культурной жизни, постепенно утрачивается, и обществу грозит опасность распасться на группы и атомы, связанные уже не духовным пониманием, а внешней нуждой, необходимостью. ...Будучи неспособен проникнуть в глубину, особенность и содержание образованности других сфер, современный человек удовлетворяется поверхностным дилетантизмом, снимая со всего пену и не касаясь содержания".⁸⁷

Симптомы опасности, описанные Виндельбандом 120 лет назад, очень похожи на современные, "постмодерновые".

В компьютерном пространстве не тесно, есть место для всех, а значит, и нет никакого стимула для "экологической" работы. Одно дело — очистить от мусора вот этот ближайший пруд или рощу, а другое — взять под контроль немереное и неограниченное, чистое виртуальное пространство. Какую глупость или бессмыслицу не кинешь в это пространство, оно тут же растягивается дальше. Самое страшное в виртуальном пространстве — что оно дешево, его не жалко, оно почти не превышает цены мусора, а значит, готово стать его безразмерным и вековым хранилищем.

Но ведь это пространство моего сознания! И Вашего тоже... И оно ограничено временем нашей с Вами жизни! Виртуальное пространство, можно сказать, еще теснее и драгоценнее физического, потому что человек умирает быстрее земли и океана. То, что он считывает с экрана, отпечатывается в матрице мышления, заполняет нейроны мозга и мегабайты памяти. А значит человек отстает от человечества, а следовательно — встает вопрос об "...экологии сознания, об охране и фильтрации мозгового пространства, которое загромождается не только растущими в геометрической прогрессии объемами информации, но и обломками словесной энтропии, растущими в геометрической прогрессии по сравнению с ростом самой информации. Результат — еще более сильная

⁸⁶ Там же. С. 67

⁸⁷ Виндельбанд В. Философия культуры и трансцендентальный идеализм // Избранное. Дух и история. М. 1995. С.115

“постинформационная” травма сознания, скука и оцепенение. Как замечают специалисты по информатике, “скука, по нашим представлениям, вырастает из нехватки стимулов (недостача информации), но едва ли не чаще она возникает из чрезмерной стимуляции (информационная перегрузка). Подобно энергии, информации свойственно вырождаться в энтропию — шум, избыточность, банальность, — по мере того как скаковой конь информации обгоняет медленную клячу мысли”.⁸⁸

Современный человек, постоянный житель города, не связан больше контекстом своего рождения: семья, род, нация, национальность, религия, страна происхождения не играют определяющей роли в существовании этого человека. Он странник, кочевник в отчужденном мире, где единственный способ самореализации становится продуцированием вне связи с реальностью своего собственного мирка в компьютерной сети Интернета. Сидя у дисплея, мы растворяемся в мире, иллюзорно управляем им, в надежде авось кто-то откликнется на мой единственный безумный проект, и завяжутся узлы общения в виртуальной реальности.

Культура индивидуальных миров весьма красноречиво описана в трудах критика индустриальной эпохи футур-социолога А.Тоффлера.⁸⁹ Общество господства высоких технологий стремительно дифференцируется, становится гетерогенным и одновременно массовым, в смысле деления способов, взглядов, вкусов, стилей, направлений и т.д. Возрастает роль разнообразных групп-общин, не связанных общей для всех идей, общей системой ценностей. Потребительский рынок резко индивидуализируется, работая избирательно: будь то богемная тусовка, или группа “gaus”, или особая по стилю одежда разбогатевших “новых белорусов”.

Множатся субкультуры, отпадая от господствующей системы ценностей. Более того, сами субкультуры дробятся под действием внутренних центрбежных сил.

Итак, в мире однообразия и безразличия появилось разнообразие и всеразличие. Возник мир-хаос.

Возникает ряд вопросов. Какой это мир? Какая генерация человека способна его обслужить (уже не обжить)? Какого рода знание об этом мире мы, в конце концов, можем получить? А, значит, какую культуру в соответствии с этим родом познания мы будем иметь?

Французские постструктуралисты (Ж.Лакан, Ж.Лиотар, Ж.Бодрийяр, Ж.Дерриза, Ж.Делез, Ф.Гвоттари и др.) дали ответы на эти вопросы, обосновав теоретически культуру без логики и смысла. Они создали концепцию “книги-корневища”, гетерогенный текст которой, произвольно составленный из “археологических” слоев мировой культуры вперемешку с повседневностью, адекватно описывает и тем самым познает мир-хаос. Они создали концепцию “децентрализованного субъекта” — безымянного автора книги-корневища, нозую генерацию современного человека, утратившего логический центр самосознания — де-

⁸⁸ Капица С., Курдюмов С., Малинецкий Г. Синэргетика и прогнозы будущего. М., 1997 г. С.72

⁸⁹ Тоффлер А. Будущее труда. Паса, власть и культура // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. С. 250-289

менного человека, утратившего логический центр самосознания — декартовское “Я”, то есть человека, утратившего “Радио”. В результате получился шизо-помадический проект^{90 91} современной культуры, плоды которой мы имеем уже сейчас.

“Постмодерность” — в самом общем смысле, — это четвертая большая эпоха в истории западного человечества. Ситуация постмодерна, о которой говорилось выше, на самом деле представляет серьезный интеллектуальный вызов — как профессионалам философам так и всем без исключения действующим лицам эпохи, будь-то государственный администратор, облаченный властью и отстаивающий интересы своей державы, предприниматель, охваченный лихорадкой внедрения новой эффективной технологии, или, как говорится, мирный обыватель, занимающий предлагаемые ему рабочие места и потребляющий продукты современного производства.

“Современное общество было победоносным обществом тех, кто верил в будущее, в науку и технику... Постмодернистское общество — это общество, где царствует всеобщее равнодушие, где преобладает ощущение, что мы повторяем зады и топчемся на месте, где личная независимость — это нечто само собой разумеющееся, где новое воспринимается как старое — как нечто банальное; где к будущему больше не относятся как неотвратимому прогрессу”.⁹²

Постмодернистическое общество можно отождествить с богатством выбора. Мы находимся в начале эпохи, логика развития которой будет стремиться к изобилию благ и услуг. Только сейчас в странах Европы кабельное ТВ предлагает до восьмидесяти специализированных каналов; судя по расчетам, через 6—7 лет, чтобы удовлетворить потребности публики, понадобится около полутора сотен каналов. Уже сейчас оплата товаров и услуг с помощью пластиковой карты указывают на общую модель жизни в современном обществе. На нас обрушивается поток информации изобилие товаров, услуг и т.д. Все это дает нам экзотическую надежду, вносит в наш мир краски, музыку и мы по-своему усмотрению определяем условия своего существования.

Дух времени — в разнообразии, раскованности; стандартное, вычурное перестает быть хорошим тоном. Культ непосредственности способствует тому, чтобы человек был самим собой, освобожденный от обязанностей и комплексов. “Постмодернизм склонен к утверждению равновесия, человечности, возврату к самому себе, даже если он существует с жестокими и экстремистскими явлениями (наркомания, терроризм, порно, панк-культура)”.⁹³

Наш мир синкретичен и равнодушен, жесток и толерантен. Мужское и женское начала перемешиваются, утрачивая некогда четкие характеристики. гомосексуализм перестает считаться извращением. Мы допускаем (а если допускаем, то и принимаем) возможность

⁹⁰ Делёз Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. // Анти-эдин. М., 1990 С. 83-107

⁹¹ Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 1995 г.

⁹² Липовский Ж. Эра пустоты С-Пб., 2001 г. С. 76

⁹³ Там же. С.172

существования всех или почти всех сексуальных групп, создающих причудливые формы сожителства. Можно сказать, что социальные устои постепенно расшатываются (на Западе в большей степени, у нас с опозданием). Мы живем в обществе потребления, где каждый человек постоянно делает выбор, берет на себя инициативу, подвергает себя прослушиванию и осмотру; ломает голову над тем, какую машину купить, какой фильм посмотреть, какую книгу прочитать, какому режиму лечения следовать? Хочет быть осведомленным, сохранить себя мощным и обязательно здоровым. Потребление заставляет человека самому заботиться о себе, наделяет его чувством ответственности и принуждает его к постоянному видоизменению своей внешности, стиля, правил поведения и жизни вообще. Очень странное, пестрое, “разорванное” время. С одной стороны мы видим неприятие насилия, с другой — угрозу терроризма; стремление к комфорту — и увеличение числа бездомных, охрану природы — и экологические катастрофы.

XXI век набирает обороты, и мы все уже перегружены информацией о грозящих экологических и иных катастрофах. Мир стал глобальным и неразборчивым, недальновидным, сиюминутными потребностями и удовольствиями людей, живущих в различных точках земного пространства и озабоченных, казалось бы, сугубо местными проблемами, могут стать гибельными для цивилизации. Как говорит президент Будапештского клуба Эрви Ласло: “Мы живем в век бифуркаций, где даже малое, локальное воздействие может стать губительным для системы в целом. Гуманистические горизонты нашего мировоззрения плохо уживаются с реальным знанием экономических, демографических и геополитических проблем современности, а всеобщий интеллектуальный алармизм, кажется, перевешивает нашу способность к принятию позитивных решений...”⁹⁴

Во всех сферах своего проявления, осмысливая опыт предшествующего развития человечества, возвращаясь к истокам и основаниям, усматривая в пройденном пути не только ошибки и заблуждения, постмодернизм готов увидеть через прошлое и настоящее то, что должно сформироваться в будущем, и тем самым ищет пути к самосохранению и самосохранению человечества. В этой связи “задача философов, — заметил Р.Рорти, — не столько объяснить преемственность между прошлым и будущим, сколько помочь сделать будущее отличным от прошлого”.

Подводя итог, можно сказать, что постмодернизм, в самом общем виде, означает многомерное теоретическое отражение духовного поворота в самосознании западной цивилизации, особенно в сфере искусства и философии. Через осмысление всех проблем постмодернизма с необходимостью проходит идея преемственности культурного развития, трактуемая как весьма сложный процесс, прежде всего лишенный линейности. В культурном постмодерне выполняется характерная для XX века смысловая структура множественности. Во всех сферах своего проявления, осмысливая опыт предшествующего развития человечества, возвращаясь к истокам и основаниям, усматривая в пройденном пути не

⁹⁴ Ласло Э. Пути, ведущие в Грядущее Тысячелетие // Вопросы истории естествознания и техники. 1997 №4.

только ошибки и заблуждения, постмодернизм готов увидеть через прошлое и настоящее то, что должно сформироваться в будущем, и тем самым ищет пути к самоспасению и самосохранению человечества.

На сегодняшний день постмодерн в философии и искусстве представляется еще открытой ареной столкновений конкурирующих друг с другом сил. Постмодернистское мировоззрение и мироощущение нашли свое наглядное воплощение в художественном творчестве. С одной стороны, искусство стало генератором многих постмодернистских идей, с другой — оно стало формой кодирования, трансляции и манифестации этих идей. Способность современного художественного творчества использовать различные стили, жанры, сосуществование разных форм дала основание, согласно многим исследователям, назвать современное искусство школой плюрализма, поскольку главной чертой постмодернизма является плюрализм.

Наука, экономика и искусство образуют главные области культуры. В дальнейшем они станут основным предметом рассмотрения и исследования. В качестве теоретических, экономических и художественных ценностей выступают, соответственно продукты познания, потребления художественные произведения. Познание значения этих продуктов, умение надлежащим образом оценить их является результатом сознательного существования и его культивирования.

Культура общества — это органическая целостность. Уклады жизни и ее понимание в обществе не являются единообразными. Культура общества образует целостность духовной сферы в науке, экономике и искусстве, где она получает свое развитие. Культура не может быть единообразной, унифицированной, поэтому современные плюралистические общества детерминируют более высокую ступень многообразия и противоречивости.

Необходимо учитывать понимание культуры обществом, поскольку этот процесс развивается сам собой только в ограниченных пределах. Системы образования и воспитания должны сделать возможным процесс “разучивания” и понимания как содержания культуры, так и ее выражение. Понимание культуры имеет своей предпосылкой изучение и хорошее знание ее содержаний. Культуру нельзя объяснить или сделать. Понимание и обучение пониманию суть предпосылки культуры вообще.

Расчленение общества на подсистемы и функции означает, что единственным связующим моментом для областей культуры остается голая функциональность. Функциональная дифференциация ведет, в частности, к идее разделения городов на специализированные районы, как будто можно собственную жизнь и пространство разложить по функциям. Жизнь — это единство, связанное с определенным пространственно-временным местоположением. Поэтому смешение и многообразие функций в одном месте ближе к идее жизни, чем раздробление жизненных сфер. Разделение города на функциональные кварталы было бы ошибкой. Постмодернистские города должны быть местом, где жизнь, работа,

обучение и развлечение связаны друг с другом. Надо создавать совместный культурный контекст, который определяется не одной техникой и функциональностью, выполнением технических требований и социальных функций, а совместным символическим, т.е. образным смыслом.

Современная культура еще не нашла стабильного решения проблем своей собственной динамики. Найти это решение — задача разума и диалога мировых культур эпохи постмодерна. Осмысливая опыт предшествующего развития человечества, возвращаясь к истокам и основаниям, усматривая в пройденном пути не только ошибки и заблуждения, постмодернизм готов увидеть через прошлое и настоящее то, что должно сформироваться в будущем, и тем самым найти пути к самосохранению и самосохранению человечества.

Анализ особенностей культуры постмодерна в целом позволяет сделать вывод о том, что в своем многообразии, плюрализме и темпах динамики постмодернистская культура соответствует тем характеристикам, которые присущи молодежной культуре с ее разнонаправленностью и максимализмом, парадоксально сочетающимся с толерантностью и даже интересом к “инокультурным” явлениям. Быть может идеология постмодерна — это манифестация молодости человечества, которое в таких поликультурных формах находит выражение своего стремления к постоянному обновлению и сохранению вечной молодости.

Так или иначе мир постмодернистской культуры — это мир человека, который более или менее адекватно воспринимает это социокультурное пространство и транслирует его образцы и нормы в своей жизнедеятельности. Студенческая молодежь — социальная группа, которая в силу особенностей своей основной деятельности (обучения в вузе) и возрастных параметров, более всего включена не только в сам мир культуры, но и приближена к осознанию процессов его создания.

Белорусские студенты в этом плане не могут быть исключением, и в то же время их особенные характеристики должны нести в себе отпечатки не только глобальных культурных трансформаций, но и воспроизводить специфику белорусского социокультурного пространства. Вот почему исследователи поставили перед собой задачу проанализировать мировоззренческие и поведенческие особенности белорусских студентов в начале XXI века и таким образом воспроизвести социокультурное пространство современного белорусского общества сквозь призму восприятия и трансляции его молодой интеллектуальной элитой.